

ЛЕНИНГРАДСКАЯ

ПАНОРАМА

Литературно-критический сборник

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1984

ЛИКИ СЛОВА

«В чем смысл жизни?» — такую записку вдруг получил я, выступая во Дворце молодежи на Петроградской стороне, на вечере, организованном Ленинградским телевидением.

Вопрос труднейший, глобальный. Может быть, самый главный и мучительный из всех вопросов, над которыми веками бились лучшие умы человечества. Можно ли ответить на него в нескольких словах, да еще импровизованно? Не лучше ли отмолчаться или отшутиться?

Нет. Мне кажется, любой из нас в любую минуту своей жизни должен быть готов в меру своих сил ответить на этот вопрос. Сегодня я отвечаю на него так: природа создавала человека миллионы лет, давайте же уважать эту работу! Проживем жизнь с достоинством, поддерживая все созидательное и противостоя всему разрушительному, что есть в жизни! Это, разумеется, не полный ответ, но, во всяком случае, приближение к нему.

Если говорить откровенно, вопрос о смысле жизни не был таким уж неожиданным. Он по-своему логично вытекал из всего диалога с аудиторией, хотя и начал я его с разговора о предмете сравнительно узком и специальном: о древнерусской литературе, являющейся главной сферой моих научных интересов.

Не могу не вспомнить, как началось мое знакомство с нею. Шел 1923 год. На первую из объявленных лекций в одну из аудиторий главного здания университета — ту самую, между прочим, где читал свои лекции Гоголь, — пришли всего два слушателя, я был одним из них. Третьим был профессор с саквояжем книг. Так было и в следующий раз, и на третий. Профессор как ни в чем не бывало читал свой курс. Хотя собственно истории древнерусской литературы — в нынешнем понимании

этого слова — тогда еще не было. Ее предстояло создать.

А сегодня мы наблюдаем бурный рост интереса к древнерусской литературе и искусству. В том же ленинградском Дворце молодежи предо мной был полный зал! В чем причина этого интереса? Такой вопрос задают мне нередко, да я и сам задаю его себе. И отвечаю: это явление не случайное, знаменательное, тем более что наблюдается оно не только у нас. Оно отражает естественное стремление человека к устойчивости, стабильности своего существования на земле. В Америке молодые ребята поют старинные «переселенческие» песни. Жители Австралии вспоминают имена своих ирландских и шотландских предков. И вообще генеалогические разыскания перестали быть привилегией аристократов. Своими предками и пращурами стали интересоваться люди самого широкого круга. Мне рассказывали, что одна семья в Сибири восстановила имена своих предков до восьмого колена. Кто же были эти люди? Крестьяне и рабочие, простые русские люди. Но разве они не достойны памяти?

Как мы видим, возрос интерес не только к Древней Руси и ее литературе. Возрос интерес к отечественной истории вообще, к художественным произведениям, воскрешающим различные ее этапы. И у нас есть в этой области несомненные удачи. Я назвал бы, в частности, имя живущего в Петрозаводске романиста Дмитрия Балашова — его историческим повествованиям свойственны глубокая основательность, серьезное изучение материала. Или вспомним, например, такие работы И. Эйдельмана, написанные в другом жанре, как книги о декабристах М. Лунине и С. Муравьеве-Апостоле.

Не могу не сказать о таком крупном явлении, как проза Василя Быкова. Разве его «Знак беды» — не историческое произведение? Разве сюжет его — не история, пусть и недавняя, причем история народная, взятая в самом своем существовании, без нарочитости, без стилизации? . . .

Где вообще граница между историей и современностью? «Блокадная книга» Д. Гранина и А. Адамовича, — разве это не историческая книга-документ? Казалось бы, есть уже немало у нас хороших документальных книг о блокаде, но, думается, еще никому не удавалось с такой силой на строго документальном материале передать самый дух осажденного города, дух страда-

ния и подвига. Но ведь эта страница истории была для нас когда-то живой современностью! Разве можно забыть, например, как сотрудники Пушкинского Дома спасали от всевозможной гибели культурные богатства, накопленные за многие десятилетия, отправляли рукописи Пушкина на хранение в Новосибирск, другую часть рукописного фонда — в Казань? Или как пригласили нас с археологом М. А. Тихановой в Смольный, в отдел науки обкома партии, и поручили нам написать книгу «Оборона древнерусских городов»? Было это в марте 1942 года, боевой опыт предков стал неожиданно актуальным, ибо лишь в глубоком прошлом оказалось возможным найти аналогию тому испытанию, которое обрушилось на нашу землю: ни в 1812 году, ни в первую мировую войну все-таки не было ничего сравнимого, не стоял с такой остротой вопрос «быть или не быть?». Книга была написана и напечатана в кратчайшие сроки, уже осенью того же года ее раздавали бойцам в окопах...

Есть такая опасность во всеобщей увлеченности историей: уход в частности, в колоритный антураж — в ущерб главному. Вот мы пишем и читаем очень много о Пушкине и его времени, о его окружении, потомках. Но не стали ли мы при этом меньше читать... самого Пушкина? Я прочел как-то в аудитории известные строки про птичку божью, которая не знает ни заботы, ни труда, спросил: чьи? Воцарилась тишина, потом кто-то робко произнес: «Плещеев?» А ведь это песня из поэмы «Цыганы»! Это на читательском уровне; а на уровне научном — как не вспомнить о том, что у нас до сих пор нет полного академического Пушкина? Ведь имеющееся издание было выпущено в свое время без комментариев, хотя они и были подготовлены. Нет у нас и пушкинской энциклопедии. Так что перед Пушкиным мы в долгу — пора этот долг оплачивать!

Появление (и определенный даже успех) произведений спекулятивных, написанных якобы на историческом материале со ставкой на сенсационность, — явление по своему тоже показательное: интерес к истории захватывает широкие круги читателей разной степени подготовленности. Не буду в данном случае называть авторов — важно другое, радующее: в последнее время заметно растет интерес к литературе подлинной, например к сборникам «Памятники литературы Древней Руси», вы-

пускаемым издательством «Художественная литература», к «Слову о полку Игореве» и его переводам.

Какие из переводов бессмертного «Слова» можно считать лучшими? Из старых переводов я назвал бы перевод В. А. Жуковского, в нашем веке — Н. А. Заболоцкого. Из тех, что появились в последнее время, — Игоря Шкляревского и молодого поэта Андрея Чернова, предложившего свою концепцию ритмической структуры памятника. Не так давно мне довелось рецензировать для издательства рукопись сибирского поэта Геннадия Карпунина, предложившего свое переложение «Слова» и обширный комментарий к некоторым его местам. Я, безусловно, высказался за издание этой работы (сейчас она вышла), хотя в ней содержались и спорные суждения, а по отдельным вопросам автор (даже не филолог по образованию!) прямо полемизировал со мной. Но спор в науке — явление нормальное и необходимое, и тут не должно быть места «чинам и званиям».

Проблемы этики, нравственности в науке, норм поведения в научном коллективе очень важны и заслуживают специального разговора. Пока скажу одно: у себя в секторе древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом) мы стремимся поддерживать атмосферу делового товарищества, творческого соревнования. Ту самую, при которой спор — явление нормальное. Именно эта атмосфера позволяет успешно работать вместе ученым со столь яркими индивидуальностями, как доктора филологических наук О. В. Творогов, написавший поразительную книгу о русских хронографах, А. М. Панченко, открывший целую школу стихотворцев XVII века, Л. А. Дмитриев — автор книги о первом издании «Слова о полку Игореве», ведущий сейчас интереснейшую работу над произведениями житийной литературы. Ученый убедительно доказывает, сколь сильное влияние фольклора испытал на себе этот «церковный» жанр, сколь глубоко впитал он народные этические и эстетические представления.

Доктор филологических наук Р. П. Дмитриева выпустила замечательную книгу о древнерусской «Повести о Петре и Февронии», причем основательно «поправила» меня на ее страницах: я считал, что эта известная повесть относится к началу пятнадцатого века, а она решила, что это шестнадцатый, и даже установила имя автора — Ермолай Еразм. Этот пример не единственный: недавно выяснились мои разногласия с А. М. Пан-

ченко по вопросу о существовании региональных литератур в Древней Руси. Что ж, может быть, устроим в университете спецкурс-диспут — мы практиковали уже такую форму. Ведь спор никогда и ни для кого не обиден — обидно, когда спор превращается в взаимные обвинения.

Нет, не отвлеченную материю, представляющую сегодня лишь исторический интерес, являет собою древнерусская литература! Все, что связано с нею, обретает подчас самую современную остроту. Например, одно время на Западе получила хождение теория, согласно которой древнерусская культура была культурой «интеллектуального молчания». Это была оскорбительная для России теория, хотя, между прочим, первым ее выдвинул русский философ-эмигрант Г. П. Федотов. Но на Западе она нашла поддержку, и тому были свои объяснения. Потому что архитектуру и живопись знали все: они существуют, они наглядны и не нуждаются в переводе. А литературу надо переводить, что весьма трудно. Еще менее, чем литература, была известна музыка. Но ведь все фресковые и иконописные изображения опирались на определенный литературный сюжет, музыка тоже опиралась на слово — она была прежде всего песней, хоровой или индивидуальной. И не безграмотные люди создавали бессмертные иконы и фрески — вспомните хотя бы новгородские берестяные грамоты или ярославскую живопись: среди ее сюжетов можно увидеть столько людей с книгами в руках, столько текстов, заключенных в живописные обрамления, как ни в одной культуре мира!

А если обратиться непосредственно к произведениям древнерусской литературы, мы обнаружим в ней такие черты, как глубокая эмоциональная и интеллектуальная насыщенность, истовая убежденность, стремление в сжатой форме ответить на коренные вопросы бытия, утвердить добро и справедливость. Эти черты перешли потом в творчество великих русских писателей XIX века — Толстого и Достоевского, они продолжают и в советской литературе, вплоть до наших дней. Не буду называть отдельные имена: дело не в них, а в общей тенденции. Или, вернее, традиции. Так можно ли говорить о каком-то «интеллектуальном молчании», в атмосфере которого будто бы жили наши предки?

Есть и другая крайность — восприятие Древней Руси и ее культуры в идиллическом, приукрашенном свете.

Восходящая, в конечном счете, к талантливым — не спорю! — стилизациям А. К. Толстого, эта традиция находит приверженцев и сегодня. Именно поэтому меня в свое время, как и еще ранее Н. Н. Асеева, порадовали стихи ленинградского поэта Виктора Сосноры, который в своем обращении к миру Древней Руси разрушал привычные красоты, эти либерально-дворянские представления о социальном мире, якобы царившем в ту далекую эпоху. Поэт стремился увидеть Русь в живой плоти — страдающей или по-простому радующейся, борющейся, материально-конкретной, часто грубой, чувственной, но неизменно жизнелюбивой. При этом общие представления о Киевской Руси в стихах Сосноры поразительно совпадают с тем, что дает нам в своей книге «Люди и нравы Древней Руси» советский историк Б. А. Романов. Это совпадение представлений поэта и историка не случайно. Оно обусловлено тем, что оба они — наши современники: советский поэт и советский историк. Материалистическое мировоззрение, исторический опыт позволили им одинаково истолковать Киевскую Русь, понять ее заботы.

Познать историческую истину, освободить ее от всякого рода легенд — как «черных», так и «розовых», — в этом я вижу важнейшую задачу, решаемую вместе с товарищами по работе, из которых многих я мог бы назвать своими учениками. Как, впрочем, и учителями, ибо все мы учимся друг у друга.

А кого я мог бы назвать своими учителями непосредственно? Здесь пришлось бы привести много имен. И не только университетских профессоров — таких, как В. М. Жирмунский, В. К. Мюллер, Д. И. Абрамович, В. Ф. Шишмарев, В. Е. Евгеньев-Максимов... Но и, скажем, школьный учитель словесности Леонид Владимирович Георг, которому я в наибольшей степени обязан выбором своей профессии. А рядом с ним, как это, может быть, ни удивительно, — преподаватель гимнастики (так тогда говорили), который учил нас еще в гимназии К. И. Мая. Он играл с нами в игры, исподволь воспитывая умение общаться, жить в коллективе. Меня спрашивают иногда: как я отношусь к исчезновению традиционных русских игр — таких, как лапта, бабки, рюхи? Но беда в том, что исчезают не только русские игры — исчезают игры вообще. Их заменяют танцы или то, что называется танцами. Между тем игра важна: она воспитывает социальность, умение держаться вместе. По

вечерам в семье лучше иногда цифровое лото, чем монополия телевизора. В лото играли и взрослые, и дети. Так же, как и в крокет. На Севере долгими зимними вечерами вся семья пела. Это вроде бы о другом. Но хоровое пение — это не только эстетика. Оно нравственно объединяет семью. Вообще русский Север всегда был хранителем замечательных народных традиций — прежде всего трудовых, но и бытовых и праздничных тоже. Они создавали ритм жизни, сближали людей — не случайно меньше было тогда того, что сейчас называется «закомплексованностью». Жаль, что с оттоком населения из северных районов страны — а проще говоря, с обезлюдением их — многие из этих традиций забываются.

И все-таки тяга людей к общению, объединению, сопереживанию неувядаема! Пример тому — публичные выступления наших поэтов, их популярность. Казалось бы, зачем они в наш век всеобщей грамотности? Достал книжку, раскрыл журнал — и читай себе наедине с собой! Но услышать произведение в чтении автора, причем необязательно новое произведение, а подчас и знакомое (недаром поэта просят: прочтите то-то и то-то!), — это, оказывается, совсем иное дело! Тут могут быть свои «приливы» и «отливы», но суть от этого не меняется. Недаром на Западе всегда удивляются умению большинства наших поэтов читать свои стихи, подкреплять слово пластикой. Это не пережиток, не атавизм «безграмотного» прошлого, как пытаются иногда представить, а живая народная традиция, которую нужно хранить и беречь.

Кто мои любимые поэты, кого я люблю читать и слушать более всего? Затрудняюсь ответить — зависит от настроения, от внутреннего состояния; слава богу, поэтами наша страна небедна и сегодня. В свое время мне довелось слушать Асеева, Ахматову — их чтение помогало глубже понять их поэзию. По времени мог бы слышать Блока. До сих пор мучительно жалею, что не слышал. А понимать Маяковского меня научил великий чтец Яхонтов. Вот что значит звучащее слово!

Из поэтов, работающих ныне, мне по-особому близок Арсений Тарковский, — мне приходилось уже однажды писать о его поэзии как об удивительной чистоты врачевальном искусстве. И его манера чтения — под стать самим стихам: без установки на внешний эффект, строгая, тоже врачующая. А вот чтение Андрея Возне-

сенского, можно сказать, контрастно его стихам — взрывным, полным неожиданности: поэт читает завораживающе напевно, и в этом кажущемся противоречии есть свое обаяние.

К слову сказать, и ученому необходимо уметь находить общий язык с любой аудиторией: во время ли публичных выступлений, на страницах ли популярных книг. Иногда встречается пренебрежительное отношение к популяризаторской деятельности. Мне кажется, популяризаторская деятельность очень важна для самого ученого. Ибо она обязывает говорить и писать просто. Когда меня спрашивают, каким должен быть язык литературы — художественной или научной, я обычно отвечаю: простым, ясным. Иначе это не язык: он не выполняет своей основной функции. Простота концепции — допустим, в характеристике различных эпох — один из критериев ее истинности. А способность человека найти необходимую простую и ясную формулировку — один из критериев подлинной интеллигентности.

Об этом слове — интеллигентность, интеллигенция — много спорят. Думаю, что нельзя сводить дело к какому-то внешним признакам. Иногда, например, подлинная интеллигентность не в том, чтобы жадно схватить редкую книгу, а в том, чтобы воздержаться от ее приобретения, если знаешь, что для другого она может оказаться нужнее, а для тебя будет книгой на одно прочтение (и то в лучшем случае!). Для меня интеллигентность — это повышенная восприимчивость к культуре, искусству, деликатность в отношении других людей, принципиальность. И еще: интернационализм. Я убежден, что национальное в его лучших проявлениях сохранится всегда. Но это не исключает подлинного интернационализма, который заключается в отсутствии национальной спеси. Кстати, я должен напомнить, что «интеллигенция» — русское слово! Корень — заимствованный, он есть почти во всех европейских языках, но в нынешнем своем значении — социальном, нравственном — слово и понятие «интеллигенция» родилось на нашей земле. А теперь, обогащенное новым смыслом, пришло в европейские, и не только в европейские, языки.

И еще качество подлинного интеллигента: его жизнь осмысленна. Над смыслом ее он задумывается всю жизнь, не считая, что ответ найден раз и навсегда. О чем и свидетельствует записка, с которой мы начали разговор.